

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СТИЛЕ МОДЕРН В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ

О.Н. Яхно

Аннотация. Статья посвящена анализу материалов российской прессы, фиксировавшей изменения материальных оснований повседневной жизни городского среднего класса, на рубеже XIX–XX вв. В центре ее внимания находились отношение к различным источникам доходов и женской трудовой занятости, потребительские предпочтения и организация домашнего хозяйства. Эти вопросы активно освещались на страницах прессы. Ряд изданий в качестве эталона, к которому нужно стремиться, называл «американскую предприимчивость» с ее безусловной верой в доллар, другие — французскую экономность в расходах. Одновременно активно пропагандировался аристократический идеал элегантности и служения, что плохо согласовывалось с буржуазной меркантильностью и расчетливостью. Особенно этим отличались издания, рассчитанные на наиболее состоятельных читателей и представителей богемы. По сути, они формировали скептическое отношение к идеалам рациональности и утилитарному восприятию вещного богатства. Такая разнонаправленность в оценках отражала реалии экономического поведения разных городских слоев в эпоху модерна.

Ключевые слова: экономическое поведение, стиль модерн, буржуазные ценности.

Яхно Ольга Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, 620108, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16, rsyakhno@mail.ru.

ART NOUVEAU ECONOMIC BEHAVIOR IN THE DISCOURSE OF THE RUSSIAN PRESS

O.N. Yakhno

Abstract. The article is devoted to the analysis of the Russian press, which recorded changes in the material foundations of the everyday life of the urban middle class, at the turn of the 19th–20th centuries. The article focuses on various sources of income and female employment, consumer preferences and household organization. These issues were actively covered in the press. Some publications perceived “American entrepreneurship” with its unconditional faith in the dollar as the standard to be strived for, others preferred “French cost-effectiveness”. At the same time, the aristocratic ideal of elegance and service was actively promoted, which was poorly coordinated with bourgeois mercantilism and prudence. This was especially distinguished by publications designed for the wealthiest readers and representatives of bohemia. In fact, they formed a skepticism about the ideals of rationality and the utilitarian perception of wealth. Such divergence in the estimates reflected the realities of the economic behavior of different urban layers in the modern era.

Keywords: economic behavior, art Nouveau style, bourgeois values.

Стиль модерн, как правило, связывают с направлением в искусстве конца XIX–начале XX в. Однако в современной историографии это понятие все чаще используют в более широком контексте. Им обозначают свойственный для того времени тип поведения людей. Такой подход позволяет акцентировать внимание на значимых переменных в повседневной жизни. В то время они проявлялись в различных сферах: отношении к браку и семье, способам достижения материального благополучия, обустройству быта, организации свободного времени, манере одеваться и вести себя в обществе и т.д. Наблюдавшиеся новации являлись следствием распространения ценностей буржуазного общества с его культом потребления, рационализмом, массовой культурой. Отличительной особенностью данного периода называют соединение несовместимых вещей, пестроту взглядов, жажду перемен и веру в реальность обновления. Хотя одновременно многими современниками они воспринимались как свидетельство упадка и духовного разложения [Сарабьянов, 2001, с. 13]. Такое причудливое переплетение в общественном сознании приводило к растерянности и вело к «раздвоению» сознания. В первую очередь такие явления имели место в крупных городах, в наибольшей мере затронутых новыми веяниями. Но все же их «средний класс» лучше других воспринимал буржуазные ценности и модели поведения. Это подтверждают многочисленные исследования повседневной жизни рубежа XIX–XX вв. [Беловинский, 2014; Границы и маркеры, 2018; Кошман, 2008; Миненко и др., 2006; Микитюк, Яхно, 2014; Муравьева, 2007; Руга, Кокорев, 2006; Руга, Кокорев, 2011; Руга, Кокорев, 2015]. Вместе с тем ряд ее аспектов еще не стал предметом специального изучения, что затрудняет оценку масштабов и глубины изменений в повседневной жизни.

Речь, в частности, идет об отношении к различным видам профессиональной деятельности и женской трудовой занятости, об организации домашнего хозяйства, потребительских предпочтениях и представлениях о достатке и комфорте. Широкие возможности для изучения этих, по сути экономических аспектов повседневного поведения, дает изучение прессы того времени. Но здесь важен ракурс ее анализа. Согласно устоявшимся представлениям, пресса, прежде всего, является источником информации об общественно значимых событиях и явлениях [Бокарев, 2004, с. 258]. Однако, если акцентировать внимание только на этом ее качестве, то «ускользает» активная роль прессы в организации повседневной жизни. Иначе говоря, материалы прессы не сводимы к совокупности информации о каких-то, пусть и важных фактах. Они аккумулируют общественный дискурс, одновременно и описывающий сложившиеся практики, и формулирующий нормы и правила, которые становятся неким поведенческим императивом [Фуко, 2004, с. 111–112]. Следовательно, анализ прессы может прояснить, чем люди руководствовались в своем поведении, какие новации считали приемлемыми, как в повседневной жизни они сочетались с традиционными представлениями и практиками. Поэтому интерпретации ее материалов, как исторического источника, позволяет лучше понять всю противоречивость российской жизни накануне великих революционных потрясений.

Прежде всего нужно отметить, что распространение и усвоение новых ценностных ориентаций могло сопровождаться чувством вседозволенности и пренебрежением к взглядам и интересам других людей. Эту особенность повседневного поведения отмечали вдумчивые наблюдатели. Так корреспондент «Екатеринбургской недели» писал: «Наше время – время замечательной развязности и беззастенчивости. Взять, сорвать, содрать, облупить и т.п. – пароль и лозунг, которыми руководствуются все и каждый, если к тому представляется малейшая возможность» [Екатеринбургская неделя, 1893, с. 214]. Подобным настроениям подыгрывала местная пресса, упрощенно трактовавшая предприимчивость и практичность.

В качестве эталона, к которому нужно было стремиться, называлась, как правило, Америка. Прямо или косвенно утверждалось, что ее опыт предпочтителен в сравнении с российскими традициями. Так, в фельетоне с критикой новогодних визитов противопоставлялось отношение ко времени русских и американцев. «Для нас флегматичных русских (в отличие от американского лозунга “The time is money”), время ничего не стоит» [Екатеринбургская неделя, 1896, с. 3]. В этом виделась основная причина отсутствия должной деловитости и рациональности в служебных отношениях, которые надо целенаправленно воспитывать. В частности, предлагалось сократить ненужные формальные визиты к различным «начальникам» и «важным лицам», и тем самым сэкономить праздничные время и деньги. Конечно, переход от прежних традиционных форм происходил достаточно медленно, но, тем не менее, начинают утверждаться и новые формы «корпоративного поведения». Это вело к полному или частичному отказу от визитов. О таких случаях извещала пресса: «Председатель Екатеринбургского Окружного суда доводит до сведения лиц судебного ведомства округа судей, что по состоявшемуся взаимному соглашению, лица судебного ведомства на предстоящих праздниках Рождества Христова и Нового Года не будут делать друг другу поздравительных визитов» [Деловой корреспондент, 1896]. В 1910 г. такое же решение приняли служащие Верх-Исетского заводууправления, которые в помещении библиотеки им. Решетникова устроили «общий семейный завтрак для совместного обоюдного поздравления в отмену праздничных визитов» [Уральский край, 1910].

Еще одним вопросом, который вызывал острые дискуссии в прессе, была женская занятость. Традиционно считалось, что она должна ограничиваться ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей. Для представительниц высших классов к этому могла добавляться не предусматривающая материального вознаграждения общественная деятельность, благотворительность. В реальности же, трудовая занятость женщин (даже без учета работниц фабрично-заводской промышленности) росла. Они уже составляли значительную часть занятых в торговле и сфере обслуживания, служили в различных конторах и государственных учреждениях. И здесь неизбежно возникал вопрос, как это должно сочетаться с традиционным женским функционалом? Противники

таких новаций считали, что трудовая занятость женщин несовместима с ее прямыми обязанностями: быть хозяйкой, женой и матерью. «Вступая в общественную служебную деятельность, женщина прежде всего отрывается от своего прямого назначения, вводится в круг мужских занятий, отдаляется от домашнего очага, от помышления сделаться хорошей женой и матерью и переходит в область независимости и безотчетного пренебрежения к тому, что составляет до сих пор ее главное призвание» [Новый журнал для всех, 1910, с. 110].

Причины, побудившие женщин заниматься «не своим делом» имели, по мнению современников, материальные основания. Невысокие доходы родителей не позволяли накопить приданное, являвшееся одним из немаловажных условий вступления в брак. Да и для значительного числа мужчин он становился непосильным экономическим бременем, при традиционном распределении ролей в семье, когда муж был кормильцем. Так что введение женщин в круг мужских занятий воспринималось как естественный, пусть даже вынужденный процесс. Тем более, что их жалование было значительно ниже, чем у мужчин. Некоторые ведомства, в частности почтовое, пользовались этим, активно привлекая грамотных женщин. Считалось, что, прекрасно справляясь со своими обязанностями за меньшую плату, они в то же время, оказывают благотворное влияние на мужчин-коллег. Однако совместная работа имела вполне ожидаемые, но не всегда позитивные для устройства семейной жизни, последствия. Общественный журнал для чтения писал по этому поводу: «Как известно, почтово-телеграфные чиновники, не отличаются ни образованностью, ни особым развитием. Женщины не обращают на это внимание. Какая-нибудь институтка, барышня из хорошего общества, охотно принимает предложение своего, на медные гроши учившегося, сотоварища» [Новый журнал для всех, 1910, с. 111].

Журналы также обращали внимание на отсутствие у некоторых российских молодых женщин ясного представления своего будущего. «Кончающие специальные классы: акушеров, учительниц, фельдшерниц, телеграфисток и т.д. намечают себе хоть какую-нибудь дорогу. Все остальные — только “невесты”». Российским молодым девушкам авторы советов доходчиво объясняли, что в строго организованном обществе европейских стран, дочь лавочника не бросает взгляды на красивого, но ничего не имеющего «за душой» офицера. «Небогатая должна быть экономной и терпеливой хозяйкой — ее дело не добывать деньги, но строго следить за тем, чтобы каждый грош был употреблен с пользой и правильно». Рекомендовался правильный стиль поведения для желающих выйти замуж: «не выжимать из дома последние гроши на свои наряды и удовольствия. Слава скромности и умения хозяйничать и довольствоваться скромной долей скорее доставит жениха, нежели все выезды и модные тряпки, нередко сшитые в долг» [Семьянин, 1894а, с. 133]. Там же отмечалось, что замужество не должно рассматриваться молодыми женщинами своей конечной и единственной целью. Всякий труд не постыден и этим они приносят посильную пользу своей семье.

Если не будет лишним ртом и снимет часть хозяйственных забот с матери и даже прислуги.

Обсуждению подвергался и сам институт брака. Все чаще высказывались мнения, что он должен заключаться по любви. Но основная масса все же была склонна к более прагматичному подходу и рассматривала создание семьи как способ решения экономических вопросов. Классической страной браков по расчету называлась Франция, с ее утилитарным отношением к семейной жизни и доминированием идеалов мещанской бережливости. Было понимание, что это не всегда совпадает с декларациями о необходимости «освобождения» от патриархальных «семейных пут» [Женское дело, 1914, с. 22]. Обращая внимание девушек, что времена изменились, женщинам советовали выбирать практические жизненные стратегии, основанные на прагматизме и инициативе, креативности и широте кругозора. Это же касалось и мужчин. Отмечалось, что излишняя погоня за приданым служила причиной «усиленного развития кадра так называемых старых дев» [Женское дело, 1914, с. 23]. Иллюстрацией этому мог бы служить сатирический диалог матери трех девиц, которая давала за младшую 10 тыс., среднюю – 15 тыс., а за старшую – 20 тыс. На что потенциальный жених поинтересовался, нет ли у нее дочери еще старше? [Стрекоза, 1904f, с. 7]. Или радость профессора, увидевшего, что его бывший студент пришел сватать дочь. «А я считал вас неспособным студентов!! Я очень рад, что вы берет себе наше сокровище!» [Стрекоза, 1904b, с. 7].

Отмечалась коллизия, что не только девушки без приданого не могли вступить в брак. От него отказывались и те, которые приданое имели. Справедливо рассуждая, что позорно не только продавать себя за деньги, но и за то, что мужчина согласился взять женщину замуж. Вместе с тем излишний прагматизм при выборе «спутника жизни» вызывал многочисленные насмешки. Фельетоны и карикатуры высмеивали лексикон банкира, который интересуется «насколько бойко пойдет подписка» на его дочь на первом балу [Стрекоза, 1904g, с. 1]. Обыгрывался отказ претенденту, которого дама вводила в чрезмерные траты: «А теперь, когда вы почти раззорились на меня – вы вдруг просите руки! Да разве я с ума сошла, чтобы выйти за вас замуж!» [Стрекоза, 1904e, с. 7]. Поводом для шутки стали объяснения г-на коммерции советника, что его дочь «чрезвычайно сухо обращается со своими ухаживателями, потому, что храбро защищает его миллионы» [Стрекоза, 1904f, с. 7].

Немало советов на страницах изданий давалось насчет организации бытовых вопросов семейной жизни. Молодым хозяйкам советовали проявлять фантазию даже в рутинной повседневности. Женские журналы охотно поддерживали мысль, что можно быть элегантной и занимаясь скромными домашними делами: приготовлением еды, уборкой дома, мытьем посуды и т.д. Практичная серьезная женщина, если на ней лежит хозяйственные заботы и воспитание детей, не может отдаться только нарядам и бросать лишние деньги на свой туалет. В качестве примера приводилась те же француженки. Считалось, что они

могут одеваться изящнее и лучше любой богатой русской барыни. И все потому, что, они «обладают природным вкусом, и в каждой сидит искусная и практичная портниха» [Последние моды, 1909, с. 3]. Эти идеалы пропагандировали как столичные, так и местные издания, предназначенные для чиновников, мелких и средних предпринимателей, конторских служащих и ремесленников. Они ставили перед собой цель воспитывать и расширять круг людей, «небогатых, но развитых, способных оценить не только практичность, но и уловить тона изящества, которые способны расцветить и скрасить скромную жизнь» [Семьянин, 1894а, с. 175].

Давались и практические советы, как добиться такого результата. Действенным способом украсить жизнь семьи и значительно сэкономить бюджет называлось занятие рукоделием. «Еще и теперь во многих обстоятельных домах не диво встретить как дорогое наследство от бабушек искусно вышитые ковры, картины, подушки, салфетки, кружева и пр. Нет спора, что фабричные изделия дешевле, но чтобы они были лучше, с этим мы не согласимся. Рукоделия вовсе не адская работа, а отдых, успокоение от неприятностей и гордость наших бабушек; их рукоделия были самым дорогим подарком ко дню ангела родным и близким» [Семьянин, 1894b, с. 218].

В этом видели проявление деловитости. Способность расчетливо вести домашнее хозяйство называлось чуть ли не главным достоинством «современной женщины». От нее требовалось найти оптимальное сочетание времени и денег, которые назывались «краеугольным камнем» домашнего хозяйства. «Время – в смысле порядка, постоянного и неизменного. То же самое и у прислуги относительно кухни, стирки и глажения белья и уборки посуды. На все определенное время и час. Деньги – самое важное в хозяйстве. Хозяйка должна знать свой приход, чтобы не только не превысить его расходом, но уметь сберечь еще копейку. Надо раз навсегда отказаться от покупок в долг» [Семьянин, 1894а, с. 190]. Строгость по отношению к себе и окружающим, умение ограничивать свои потребности, сдержанность – вот что должно было отличать благовоспитанную женщину. Утверждаюсь, что покупки нужно осуществлять осторожно и обдуманно. Чем женщина беднее, тем она строже должна относиться ко всякому кредиту и стараться брать все за наличные деньги. «Надо много выдержанности и аккуратности, чтобы не запутаться в кредите и отдать свой долг в определенный срок» [Семьянин, 1894b, с. 174]. Молодым барышням рекомендовалось целенаправленно выработать привычку к порядку, которая позволит им в будущем «быть всегда и во всем экономным и бережливым» [Воспитание и обучение, 1901, стб. 36]. В реальной бытовой практике было принято вести специальные записные книжки, в которых хозяйки фиксировали свои расходы. В частности, представительница купеческой екатеринбургской семьи Е.Я. Королькова записала 5 декабря 1909 г., на что она потратила деньги. Были куплены различные продукты (мясо, масло, капуста макароны, пиво и пр.), галантерейный товар. Еще она заплатила

извозчику 15 к. и «Не знаю куда 15 коп.». 12 января 1910 г. Е.Я. Королькова проиграла 50 к. [СОКМ, ф. 56, оп. 1].

Особые проблемы для семейного бюджета создавала, по утверждению печатных изданий, погоня за модой. Но с другой стороны, массовое производство, снижавшее себестоимость, порождало «красоту для бедных». «Страсть к подражанию, стремление низших сословий тянуться вслед за высшими во всем, что касается внешнего строя жизни, никогда не имело столь широкого распространения. Понижение цены на различные товары делает доступным для масс множество таких вещей, которые в прежнее время составляли привилегию только богатых и знатных» [Хозяйка, 1902, стб. 1291]. Это, по мнению многих авторов публикаций, подтверждало необходимость тщательно планировать семейный бюджет. Достойным подражания образцом расчетливого ведения домашнего хозяйства служила француженка. «Забота о завтрашнем дне, или вернее о старости не покидает ее никогда. Француженка отлично умеет покупать. Хозяйка среднего достатка никогда не поленится сама пойти на рынок. Следит на кухне, чтобы получить вкусный обед, количество припасов», приобретаемых ею соразмерно с необходимостью и по качеству отвечало требованиям здоровой пищи [Семьянин, 1894 а, с. 191–192].

Правда, во внешнем облике тиражировался скорее аристократический идеал богатства и респектабельности, нежели мещанская скромность и простота расчетливости. Все-таки для русских более характерной чертой является желание праздничности, яркости и нарядности. Идеал элегантности и утонченности привлекал многих, но его достижение было делом весьма дорогостоящим и зачастую оборачивалось негативными финансовыми последствиями. Причины виделись в недостатке общей культуры и неразвитости вкуса. На страницах прессы с сожалением отмечалось, что много женщин среднего класса, которые из-за неумения одеваться заставляют своих мужей делать долги «... и в конце концов все же оказываются безвкусно одетыми» [Дамский мир, 1912, с. 31]. Но такое поведение было вполне объяснимо, поскольку нарядные дамы в дорогой одежде, мехах и украшениях были символом «прекрасной эпохи».

Это же касалось и обстановки в различных комнатах частных квартир. Автор заметки «Храм пошлости» говорит о некоторых парадоксах современной жизни, одним из которых называет излишнюю «захлапленность» многочисленными вещами, неудобную мебель в «гостиной», «зале», которые обставляются для чужих глаз и чужого мнения. А вот комнатам, в которых люди действительно живут – спальням, детским – не уделяют столько внимания и средств. Их пытаются спрятать, как от посторонних глаз, так и общественного мнения [Столица и усадьба, 1915b, с. 13].

Вопросы ведения домашнего хозяйства, семейного бюджета и нерациональных расходов неоднократно становились поводом для карикатур. Как правило, критиковался т.н. «женский подход» к тратам семейного бюджета. В качестве примера

можно привести подпись под рисунком, когда муж жалуется, как быстро заканчиваются деньги, ведь он только утром разменял сто рублей. На что жена ласково просит отдать оставшиеся 20 руб. на новую шляпку [Стрекоза, 1904g, с. 4]. Либо ответ жены на вопрос, что осталось от 100 руб., выданных на прошлой неделе: «Одно сожаление, что ты не дал мне тогда больше» [Стрекоза, 1904a, с. 4]. Еще одна карикатура иронизировала над диалогом семейной пары: «Дорогой Петя! Вчера Маша на чердаке нашла непочатую банку бензина, так чтобы этот бензин не пропал даром, купи мне к нему, на именины, новый автомобиль!» [Стрекоза, 1904с, с. 12].

Вообще тема подарков к различным праздникам складывается в отдельную подборку. Пресса активно обсуждала когда, кому и в каком случае их нужно дарить, что ожидаю получить взамен дарители. Обычно поводом принести подарок были праздники Рождества и Пасхи. Нередко это были украшения и драгоценности. «Для красавицы Аннеты, вот и жемчуг, бирюза. Вот колечки, вот браслеты...» [Стрекоза, 1904d, с. 3]. А другая рассерженная дама довольно резко ответила визитеру, куда можно повесить цилиндр: «На елку! Я воткну в дно вашего цилиндра свечку и зажгу ее! Вы, м.г., не догадались привезти для елки золотую вещицу» [Шут, 1901b, с. 9]. На большие праздники принято было одаривать не только хозяев, но и прислугу, чему также способствовали владельцы магазинов. Они помещали соответствующую рекламу в местной прессе, либо рассылали преискурант товаров, которые могли быть подарками по различным случаям: «Внутри магазина Стерн устроена предпраздничная выставка разнообразных, изящных и практичных предметов, подходящих для подарков взрослым, детям, а также прислуге, состоящая из всевозможных сортов белья, шелковых, шерстяных, суконных и бумажных блузок, капотов, матине, верхних и нижних юбок, детских платьев и разных модных галантерейных товаров. Все по вполне доступным ценам» [Урал, 1908]. Но иногда происходили и курьезы: «– Охота вам христосоваться с нашей кухаркой? – Но у меня не было двугривенного, чтобы дать ей на чай» [Стрекоза, 1904d, с. 5].

Критическое отношении продемонстрировал автор репортажа о маскараде в пользу местной пожарной дружины Екатеринбурга. Корреспондент отмечал, что некоторые девицы «отличились излишней развязностью, прося каждого кавалера, иногда даже совсем незнакомого посетителя клуба, угостить их и подарить бонбоньерку. Некоторые кавалеры поддаются таки требованиям и угощают хинной водкой, которую храбрые амазонки охотно потребляют, закусывая бутербродами с вареной колбасой» [Екатеринбургская неделя, 1894, с. 89]. А столичный журнал на такое поведение отвечал дидактической статьей, в которой подчеркивалось, что «вычурность в нарядах и пестрота цветов всегда говорят о вульгарности тона о нескромном желании обратить внимание мужчин. Как много девушек ошибаются, думая, что их капризы, смелые выходки, кокетство и вольность обращения привлекают мужчин» [Семьянин, 1894b, с. 132]. Но, судя по всему, подобная «находчивость» и бойкость молодых дам в отношении мужчин

были нередким явлением. Сатирический журнал иллюстрировал один из случаев ухаживания: «Я вас боготворю. — А разве вы не знаете, что божествам принято приносить дары?» [Шут, 1901а, с. 10].

Возможно, такова была специфика Екатеринбурга. Наблюдатели отмечали «крайне развитой демократический дух, решительно незнакомый средне-русским губерниям» [Екатеринбургская неделя, 1890, с. 977]. Это накладывало свой отпечаток на организацию общественных развлечений. В общественных клубах преобладали разные мелкие служащие торговых фирм, писцы, гранильщики. Подобная публика отмечалась незатейливостью манер.

Отчасти, такие нравы смягчало стремление недостаточно образованной и небогатой публики походить на представителей «высших классов». Этому способствовало достаточно широкое распространение специализированных периодических изданий. К таким можно отнести журнал «Столица и усадьба». Это было богато иллюстрированное издание, знакомившее читателей с «красивой жизнью» самых богатых семей России и Европы, с новостями светской хроники. На его страницах осуждалась суетность, развязность, излишняя демонстрация богатства, характерная для поведения столичных жителей, что иногда вызывало скептическое отношение остальных жителей страны. «У вас в столице некогда разговаривать, некогда читать, некогда думать — чем же вы заняты? — Мы заняты деланием карьеры, ловлей счастья» [Столица и усадьба, 1915а, с. 32].

Иногда это счастье могло воплощаться во внезапном везении и богатстве. И таким советовали держаться с достоинством, но не вызывающе. В пример ставились представители потомственной аристократии и финансово-промышленной элиты, умеющие себя достойно «подать», подчеркивалось, что «в наш демократичный и денежный век самыми дорогими вещами считаются те, которые не имеют никакого практического значения и рыночной цены» [Столица и усадьба, 1914b, с. 31]. Особое внимание уделялось «вечным ценностям». В этой связи критиковался сугубо меркантильный подход в отношениях между мужчиной и женщиной. Утверждалось, что глубоко неправы те, кто «больше мечтают о том, что даст любовь, а не о самой любви. Модное манто в в клетку или полоску, лимузин, паради, непременно бриллианты», еще не гарантируют счастья [Столица и усадьба, 1915а, с. 30]. Более сдержанно, в сравнении с изданиями, рассчитанными на широкую публику, журнал относился к американскому образу жизни. Так в одной из статей утверждалось, что «Доллар — та единственная могущественнейшая сила, к которой янки привыкает стремиться с пеленок, от первой игрушки, какая попадается ребенку в руки. Жизнь становится сухой, однообразной, но зато это сулит владычество Америки над миром. Янки так думают» [Столица и усадьба, 1914а, с. 15]. Автор выражал надежду, что когда-нибудь условная стоимость золота разлетится от одного усилия человеческого разума и непреложные жизненные принципы янки «окажутся химерой». Но «уже будут потерянные века служения доллару, забвения духа, века скучного, сухого, низменного существования».

В другой публикации делалось заключение о непредсказуемости будущего. Задавался вопрос: «кто будет себя лучше чувствовать, тот, кто старался использовать свое время на радости бытия жизнь духа, или тот, кто только копил доллары?» Для автора публикации ответ был очевиден: «Мы, европейцы, тем и отличаемся от американцев, что те же самые понятия толкуем иначе, чем они: для них есть только одно толкование – доллар, для нас – разные. Они идут прямо, мы оглядываемся. Кто прав неизвестно» [Столица и усадьба, 1916а, с. 30].

И все же, рационализм, сциентизм, культ деловитости и предприимчивости, стремление к материальному достатку, комфорту, вещному богатству играли определяющую роль при выборе моделей экономического поведения средних городских классов. Ситуация изменилась лишь в годы Первой мировой войны. Она подвела черту под эпохой модерна, с его в общем-то оптимистической картиной мира. Трудности и невзгоды военного времени заставили пересмотреть многие идеалы мирной жизни. Так в «Фельетоне о долларах» описывалась ситуация в разбогатевшей «за счет сошедшей с ума Европы» Америке: «На обложке известного журнала изображены заводские трубы города, а сверху в облаках цифра «1917», с них вниз сыплется золото. А внизу стоят люди с радостными лицами, ловят это золото, золото их совсем засыпает, они потонули в этом золоте» [Столица и усадьба, 1916с, с. 9]. Далее автор рисует более завидную перспективу для последующих американских поколений. Скупив за бесценок культурные богатства, Америка обеспечит им широкие возможности для духовного развития. Европа, ввязавшись в никому не нужную войну, будет расплачиваться за свое безумие, опрощением жизни. И это предвидение будущего стало реальностью уже в годы войны.

В России, как и в других воюющих странах, на первый план вышла проблема поддержания доходов на минимально приемлемом уровне. В отсутствии мобилизованных мужчин ее можно было решить за счет расширения женской трудовой занятости. И все былые дискуссии по этому поводу сошли на нет. Работа вне дома стала рассматриваться в качестве нормы. Даже богатые дамы, не испытывавшие каких-то материальных затруднений, старались найти для себя какое-то общественно значимое дело и проявлять скромность в расходах. На страницах женских журналов развернулось обсуждение животрепещущей темы: чем и как можно помочь своей стране в период войны. Одни предлагали отказаться от излишества в одежде, ограничиться только самыми простыми тканями и фасонами. Другие призывали участвовать в уходе за ранеными, шить для них белье и т.д. [Новейшие моды и рукоделия, 1914, с. 8]. Третьи пропагандировали организацию благотворительных мероприятий для помощи особо нуждающимся, в том числе и женщинам, оставшимся без кормильца. Нечто подобное наблюдалось в других воюющих странах. Правда, были и отличия. Англичанки с присущим им здравым смыслом решили, что «монашеское поведение» ни к чему хорошему не приведет. Так, увлечение шитьем белья для раненых приняло

несколько иные побудительные мотивы, чем в России, и признавались достойными для подражания. «Никто не проиграл от того, что богатые женщины продолжают вести прежний образ жизни — делают визиты, ездят по магазинам, устраивают благотворительные развлечения. А выиграли раненые, получившие хорошо шитое белье, и бедные швеи, нашедшие новый заработок [Журнал для хозяек и женская жизнь, 1915, с. 5]. В то же время осуждению некоторые авторы статей подвергали «бешеные траты, бросание денег» в некоторых европейских столицах (в том числе и российской). Достойными образцами назывались Лондон, Париж и Берлин, где все силы были сосредоточены на победе, а в остальном «экономия, затишье, добровольный отказ от излишней роскоши и праздности» [Столица и усадьба, 1916b, с. 12–13].

Если в первый год войны корреспонденты отмечали, что состоятельные люди мало изменили свое поведение. Свидетельством тому были заполненные и в праздники, и будни театры, кинематограф, рестораны. Некоторые вообще утверждали, что на войне хорошо, она создает ту «интересную жизнь, которая будет после войны» [Столица и усадьба, 1914с, с. 22]. Но постепенно в общественном сознании складывалось устойчивое представление, что она «всерьез и надолго». Следовательно, материальные трудности будут только множиться. И их невозможно решить в рамках сложившихся моделей экономического поведения. Такое понимание ситуации создавало благоприятные предпосылки для отрицания прежнего образа жизни. В конечном счете, это обернулось тотальным пересмотром его фундаментальных оснований, произошедших уже в новую революционную эпоху.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Беловинский Л.В.* Жизнь русского обывателя: От дворца до острога. М.: Кучково поле, 2014. 920 с.
- Бокарев Ю.П.* Периодическая печать // *Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. Учебник.* Под общ. ред. А.К. Соколова. М.: Высшая школа, 2004. 635 с.
- Воспитание и обучение.* 1901. № 1.
- Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования / под ред. Д.А. Редина. СПб.: Алетейя, 2018. 722 с.
- Дамский мир.* 1912. № 1.
- Деловой корреспондент.* 1896. 29 февр.
- Екатеринбургская неделя.* 1890. № 44.
- Екатеринбургская неделя.* 1893. № 10.
- Екатеринбургская неделя.* 1894. № 4.
- Екатеринбургская неделя.* 1896. № 1.

- Женское дело*. 1914. № 14.
- Журнал для хозяек и женская жизнь*. 1915. № 19.
- Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 448 с.
- Миненко Н.А., Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII– начале XX века. М.: Наука, 2006. 384 с.
- Микитюк В.П., Яхно О.Н. Повседневная жизнь Екатеринбурга на рубеже XIX–XX веков: Очерки городского быта. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2014. 488 с.
- Муравьева И.А. Век модерна: панорама столичной жизни. Т. 1. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2007. 272 с.
- Новый журнал для всех*. 1910. № 15.
- Новейшие моды и рукоделия*. 1914. Октябрь.
- Последние моды*. 1909. № 2–3.
- Руга В., Кокорев А. Москва повседневная. Очерки городской жизни начала XX в. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. 208 с.
- Руга В., Кокорев А. Повседневная жизнь: Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. М.: АСТ: Астрель, 2011. 678 с.
- Руга В., Кокорев А. Барышни и дамы. Повседневная жизнь москвичек в середине XIX–XX в. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 224 с.
- Сарабьянов Д.В. Модерн. История стиля. М.: «Галарт», 2001. 344 с.
- Свердловский областной краеведческий музей (СОКМ). Ф. 56. Оп. 1.
- Семьянин*. 1894а. Т. I.
- Семьянин*. 1894b. Т. II.
- Столица и усадьба*. 1914а. № 4.
- Столица и усадьба*. 1914b. № 10.
- Столица и усадьба*. 1914с. № 25.
- Столица и усадьба*. 1915а. № 28.
- Столица и усадьба*. 1915b. № 36–37.
- Столица и усадьба*. 1916а. № 60–61.
- Столица и усадьба*. 1916b. № 66.
- Столица и усадьба*. 1916с. № 77–78.
- Стрекоза*. 1904а. № 3.
- Стрекоза*. 1904b. № 7.
- Стрекоза*. 1904с. № 9.
- Стрекоза*. 1904d. № 13.
- Стрекоза*. 1904е. № 16.

Стрекоза. 1904f. № 19.

Стрекоза. 1904g. № 21.

Урал. 1908. 6 янв.

Уральский край. 1910. 25 дек.

Фуко М. Археология знания. Спб.: Гуманитарная академия: Университетская книга, 2004. 416 с.

Хозяйка. 1902. № 46.

Шут. 1901а. № 37.

Шут. 1901б. № 52.

REFERENCES

Belovinskij L.V. *Zhizn' russkogo obyvatel'ya: Ot dvorca do ostroga* [The life of the Russian inhabitant: From the palace to the prison]. Moscow: Kuchkovo pole, 2014. 920 p. (in Russian).

Bokarev Yu.P. Periodicheskaya pechat' [Periodic printing], in *Istochnikovedeniye noveyshey istorii Rossii: teoriya, metodologiya i praktika* [Sources of the latest history of Russia: theory, methodology and practice]. Uchebnik. Pod obshh. red. A.K. Sokolova. M.: Vysshaya shkola, 2004. 635 p. (in Russian).

Vospitanie i obuchenie. 1901. № 1 (in Russian).

Granicy i markery social'noj stratifikacii Rossii XVII–XX vv.: vektory issledovaniya [Borders and markers of social stratification in Russia in the 17th–20th centuries: research vectors]. Pod red. D.A. Redina. SPb.: Aletejya, 2018. 722 p. (in Russian).

Damskij mir. 1912. № 1 (in Russian).

Delovoj korrespondent. 1896. 29 fevr. (in Russian).

Ekaterinburgskaya nedelya. 1890. № 44 (in Russian).

Ekaterinburgskaya nedelya. 1893. № 10 (in Russian).

Ekaterinburgskaya nedelya. 1894. № 4 (in Russian).

Ekaterinburgskaya nedelya. 1896. № 1 (in Russian).

Zhenskoe delo. 1914. № 14 (in Russian).

Zhurnal dlya xozyaek i zhenskaya zhizn'. 1915. № 19 (in Russian).

Koshman L.V. *Gorod i gorodskaya zhizn' v Rossii XIX: Social'nye i kul'turnye aspekty* [City and city life in Russia XIX: Social and cultural aspects]. Moscow: ROSSPEN, 2008. 448 p. (in Russian).

Minenko N.A., Apkarimova E.Yu., Golikova S.V. *Povsednevnyaya zhizn' ural'skogo goroda v XVIII–nachale XX veka* [Daily life of the Ural city in the XVIII–beginning of the XX century]. Moscow: Nauka, 2006. 384 p. (in Russian).

Mikityuk V.P., Yakhno O.N. *Povsednevnyaya zhizn' Ekaterinburga na rubezhe XIX – XX vekov: Ocherki gorodskogo byta* [Everyday life of Ekaterinburg at the turn of the XIX–XX centuries: Popular culture essays]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo AMB, 2014. 488 p. (in Russian).

Murav'eva I.A. *Vek moderna: panorama stolichnoj zhizni* [Century of modernity: panorama of metropolitan life]. T. 1. SPb.: Izd-vo "Pushkinskiy fond", 2001. 272 p. (in Russian).

Novy'j zhurnal dlya vseh. 1910. № 15 (in Russian).

Novejshie mody i rukodeliya. 1914. Oktyabr' (in Russian).

Poslednyae mody. 1909. № 2–3 (in Russian).

Ruga V., Kokorev A. *Moskva povsednevnyaya. Ocherki gorodskoj zhizni nachala XX v.* [Everyday life of Moscow. Essays on urban life at the beginning of the 20th century]. M.: OLMA-PRESS, 2006. 208 p. (in Russian).

Ruga V., Kokorev A. *Povsednevnyaya zhizn': Moskvy. Ocherki gorodskogo byta v period Pervoj mirovoj vojny* [Everyday life of Moscow. Essays on urban life during the First World War]. M.: AST: Astrel', 2011. 678 p. (in Russian).

Ruga V., Kokorev A. *Bary'shni i damy'. Povsednevnyaya zhizn' moskvichek v seredine XIX–nachale XX v.* [Young ladies and ladies. Muscovites daily life in the middle of the XIX–early XX centuries]. M.: OLMA Media Grupp, 2015. 221 p. (in Russian).

Sarab'yanov D.V. *Modern. Istoriya stilya* [Modern. The History of Style]. M.: "Galart", 2001. 344 p. (in Russian).

Sverdlovskij oblastnoj kraevedcheskij muzej (SOKM). F. 56. Inv. 1.

Sem'yanin. 1894a. T. I (in Russian).

Sem'yanin. 1894b. T. II (in Russian).

Stolica i usad'ba. 1914a. № 4 (in Russian).

Stolica i usad'ba. 1914b. № 10 (in Russian).

Stolica i usad'ba. 1914b. № 25 (in Russian).

Stolica i usad'ba. 1915a. № 28 (in Russian).

Stolica i usad'ba. 1915b. № 36–37 (in Russian).

Stolica i usad'ba. 1916a. № 60–61 (in Russian).

Stolica i usad'ba. 1916b. № 66 (in Russian).

Stolica i usad'ba. 1916c. № 77–78 (in Russian).

Strekoza. 1904a. № 3 (in Russian).

Strekoza. 1904b. № 7 (in Russian).

Strekoza. 1904c. № 9 (in Russian).

Strekoza. 1904d. № 13 (in Russian).

Strekoza. 1904e. № 16 (in Russian).

Strekoza. 1904f. № 19 (in Russian).

Strekoza. 1904g. № 21 (in Russian).

Ural. 1908. 6 yanv. (in Russian).

Ural'skij kraj. 1910. 25 dek. (in Russian).

Fuko M. *Arheologiya znaniya* [Archeology of Knowledge]. Spb.: Gumanitarnaya akademiya: Universitetskaya kniga, 2004. 416 p. (in Russian).

Hozyajka. 1902. № 46 (in Russian).

Shut. 1901a. № 37 (in Russian).

Shut. 1901a. № 52 (in Russian).